

Вернувшись домой после тяжелой рабочей смены, сняв с себя верхнюю одежду, я прошла на кухню, где моя прабабушка медленно, трепетно готовила всеми любимые домашние пироги.

Она стояла, наклонившись над тазиком с тестом, в своем любимом синем с цветочками халате. На голову бабушка бережно повязала платочек. Раньше она делала это для того, чтобы волосы не падали, сейчас же это дело привычки.

Я на секунду замерла и не поверила своим глазам. Дело в том, что она уже давно этим не занимается, ей тяжело даже вставать с кровати, так как возраст берет свое. В этом году ей исполнится уже 88 лет.

Нежно я смотрела на нее: трясущимися руками она, еле-еле поднимая таз с тестом, отрывала кусочек и раскатывала маленький круг, куда также медленно накладывала начинку для будущего пирога.

Она не услышала меня, и я молча наблюдала, долго, долго, пока не вытерпела:

— Ты чего делаешь? — спросила я. — Тяжело же тебе, почему меня не дождалась?

— Да полно, — чуть вздрогнув от неожиданности, отвечает бабушка. — От меня уже никакой пользы давно нет, так дай-те хоть пирогов напечь, не ровен час, не попробуете больше...

И тут меня будто облили холодной водой. Во всей этой повседневной суматохе совершенно забываешь о том, что у всего в этой жизни есть конец. То, что твои самые близкие люди рядом — обычное дело, пока не начинаешь задумываться, что самому родному человеку почти 90 лет. Она воспитывала меня с самого рождения, видела мои первые шаги, учила меня говорить, читать. Всегда рядом была, и я не замечала того, насколько быстротечно время.

Я, наверное, впервые за много времени посмотрела на ее руки иным взглядом. Из-за болезни она очень похудела, сильно сгорбилась и вся дрожала. Ее кожа буквально просвечивала, все лицо было в маленьких и больших морщинках, а глаза... Ее взгляд был наполнен такой тоской и печалью...

Буквально пять лет назад бабушка Нина была

Бабушка

еще живчиком, ее пирожки у нас были на столе стабильно через день. Она возилась с моей младшей сестрой, включала музыку и энергично под нее танцевала. На каждый праздник надевала свой лучший наряд, подшучивала над мужьями моих старших сестер, вместе с нами готовила различные блюда.

Мы всегда знали, что с нами ее большой жизненный опыт, которым она щедро делилась.

У нее был ответ на абсолютно любой вопрос. Но сейчас бабушка словно погасла. Она все также делится с нами опытом, но ей все тяжелее долго оставаться с нами и разговаривать, она уходит в свою комнату и старается прилечь. Мы не давим на нее, даем ей столько пространства, сколько нужно.

И тут вот эти пироги...

Она, тяжело вздыхая, облокачивается на свою трость и продолжает одной рукой раскатывать тесто. Оно получается неаккуратное, немного толстое,

но значения это совершенно не имеет. Оно было особенное. В нашей семье, даже зная рецепт, никто не следит пироги так, как делает это наша бабушка. Я помыла руки, подошла к столу и принялась помогать ей.

— Не надо, ты устала, отдохай, а я доделаю, — заботливо и очень тихо проговорила бабушка. Я ничего ей не ответила. — Да не так ты раскатываешь, ну!

— А чего ты вдруг молодость-то вспомнила? Давай уж вместе, раз начала.

— Так скучно дома, сегодня никто не заезжал, бабушка Валя весь день по делам бегает, а я хоть так себя за-

йму, — бабушка не отрывалась ни на секунду от своего дела. Бабушка Валя — ее дочка, мама моей мамы.

Мы живем втроем — я, бабушка Валя и прабабушка Нина.

— Эти пироги мне пекла моя бабушка, когда мы с братьями были маленькие. Как сейчас помню, напечет целую гору, два-три пирога нам, остальное раненым. — вдруг говорит бабушка.

— Раненым? — я удивилась, потому что бабушка очень редко поднимает тему военного времени.

— А что ты удивляешься? Наша деревня была как госпиталь, здесь одни медички жили в Отечественную, солдат лечили

— А расскажи мне о том времени. — прошу я.

— Да что рассказывать? — вздыхает бабушка, не отрываясь от теста. — Страшное было время. В те моменты, конечно, мы не понимали этого, маленькие были, уж потом осознали пришло. Радио у нас не было, мы сначала даже не поняли, что война-то на-

чалась, пока отца моего на фронт не забрали. Думали так, пару месяцев послужит, да вернется, но так и не вернулся, долго ждали...

Семья у нас большая была, мы вдвоем, да куча двоюродных и троюродных братьев и сестер, тоже все безотцовщина. Не понимали ничего...

— А как он ушел? — я старательно подражала движениям бабушки, возясь с тестом. На самом деле я все это делала много раз, но пироги никогда не выходили такими, какими делает их она. До сих пор не могу понять, в чем же секрет.

— Как и все. Была телеграмма. Помню, мама плакала, а папа лишь отвечал: «Чего реветь-то? Кому еще идти, тебе что ли, Маня, али Нинке?» Я была старше всех. Он собрался, помолится, перекрестится, и в этот же день ушел. С того момента никаких вестей. Тяжело было. Мама буквально через пару месяцев узнает, что еще один ребенок родится, а отец так этого и не узнал. Многие точно также поуходили. Боялись, очень боялись, но шли целенаправленно, хотели защитить свою страну, дух у русского мужика настолько велик в тогдашнее время был.

— И как же вы справлялись?

— Да никак, нам повезло, нашу деревню мало затронули военные события. Мы работали для фронта, отдавали все до последнего. Богаты не были, но каждый день в лес ходили, грибы да ягоды собирали, ветки ивовые сушили, кору. Знаешь, какие прочные калоши получались, сейчас ты такие в своем Интернете не закажешь. И все-все

туда, солдатам. Ленинграду помогали, когда голод был. Тогда казалось, сплотились все, всех объединила эта беда большая. Человечность ни один не потерял. К нам в деревню как-то немцы вошли, но не с плохими намерениями. Ранены были, так и тех выходили лекарки наши, а потом и в домах прятали. Не всем война нужна была

На фото:
Воронцова Нина
Григорьевна, 1956 год
Реставратор фото:
Анастасия Ефимчук

эта, оставалась человечность. А для нас это такая дикость была — разговаривает на ломаном языке каком-то, кудрявый, рыжий, глаза голубые-голубые. Как будто с планеты другой, ей Богу, не вру, — запинаясь, говорит бабушка.

Тут я чуть улыбнулась. Оказывается, бабулечка моя думает точно так, как и я.

Пока мы разговаривали, долепили общими усилиями все пироги и принялись складывать их на противень. Бабушке тяжело было ходить, поэтому этим полностью занялась я, пока она отдыхала.

Из-за того, что пришлось долго стоять, у нее разболелись ноги, и она села на пол. Тяжело вздыхая, она перебирала в руках свой платочек, вспоминала, думала, прокручивала в голове события, старалась поймать свои мысли. Это сейчас да-

— А что с детками было, ведь мамы же все трудились в тылу?

— Так сами себе был предоставлены. Уж и не помню что делали, рядом со взрослыми крутились, то помочь пытались, то с младшими посидеть. В общем, при деле все были, занятие в деревне всегда есть. Вот так, как и ты, пироги стряпали. Меня этому рецепту моя бабушка научила. Сколько лет пеку, а так, как она, никогда сделать не до-

стается ей тяжело, у нее обострилась деменция, которая с каждым годом все отдаляет ее от хороших, здравых мыслей. Невролог прописал ей таблетки, но, честно говоря, не помогают и не могут они. Бабушка их исправно пьет, но сама замечает, что результата нет, поэтому отважно и стойко сопротивляется недугу, хоть и не всегда успешно.

мает, что она испытывает.

— А кто с фронта-то вернулся? — спросила я у нее.

— Да кто вернулся-то... — повторила бабушка, она немного забылась, но мужественно пыталась вернуться в разговор. — Со всей деревни два мужика пришло.

Остальные кто без вести пропал, вместо кого-то похоронка пришла.

Да и то те, кто вернулся, оба контуженные пришли, долго оправлялись. Невольно их ранили, одному мочку уха оторвало, точно в рубашке родился, второму ногу подстрелили, так на всю жизнь с одной ногой покороче и ходил.

Отца вот мы с мамой долго ждали, всех гадалок обходили, все в один голос: «Живой, живой, ждите». А толку-то ждать, если человека нет? Бабушка Валя искала потом сведения, нашли, что в госпитале лежал, а потом все записи обрываются, будто уничтожили и все. Хоть бы узнать, может, лежит где, в той же братской могиле.

Мы просидели, разговаривая, еще, наверное, полчаса, пока запекались наши пироги. Бабушка рассказала мне много историй. С такой легкостью говорила о том, как детки раненых перевязывали, словно это одно и то же, что в магазин за хлебом сходить. Меня не покидала мысль, что эти дети были гораздо сильнее большинства взрослых моего времени. А ведь мы ведь одни из последних, кто видит при жизни «детей войны». Ужасы тех лет должны напоминать нам о том, что это никогда не должно повторяться, что люди не должны переживать такие страшные моменты.

— Ну все, доставай пироги, ставь чайник, как раз и бабушка пришла, — вдруг перебила мои мысли бабушка Нина и медленно пошла открывать дверь своей дочке.

**Анастасия
Ефимчук**